

В. А. ПОЛИКАРПОВ

К ВОПРОСУ О РОЛИ РЕЧИ В МЫШЛЕНИИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТУИЦИИ

Психологию мышления интересует прежде всего то, каким образом в ходе мыслительного процесса из исходной информации получается новое знание. Особенную сложность здесь представляет то, что мышление, направленное в данном случае само на себя, не может иметь в полной мере само себя предметом отражения. А. В. Брушлинский в книге «Мышление и прогнозирование» пишет: «Специфика и одновременно главная трудность этих исследований состоят в том, что здесь мышление человека обращается на самого себя. Мыслящий человек становится не только субъектом, но и объектом познавательной деятельности»¹. Вследствие этого мышлению, занимающемуся самопознанием, приходится иметь дело не с самим объектом, а его отражением в каком-нибудь индикаторе. Этим индикатором мышления является речь — процесс, наблюдаемым результатом которого являются звуки речи, или, если это внутренняя речь, — внутренняя артикуляция. Семантика речи представлена сознанию через язык, абстрактную систему значений и языковых структур, и сама речь как внутренний, физиологический процесс, данный в интероцептивных ощущениях. Когда изучают мышление, то объектом исследования в первую очередь становятся сопровождающие его речевые процессы, выраженные в языке. Это языковое выражение речевых процессов, записанное на бумаге, переданное испытуемыми, зафиксированное в самонаблюдении памятью, представляет собой данные индикации.

История науки знает немало примеров, когда индикация какого-нибудь процесса принималась за сам процесс. Так случилось и в изучении мышления. Упомянутая выше индикация стала изучаться как сам процесс мышления. Иными словами, мышление было отождествлено с речью. Уже у древних греков мы встречаем понятие, применяемое одновременно для обозначения и мышления, и речи, *Logos*. Греками же была создана логика — наука, имеющая дело с внешней, видимой стороной мышления, его речевым результатом. Но так как последний понимался конгруэнтно самому процессу мышления, то логика, наука, которая «...имеет своим предметом внешнюю структуру мысли, воплощенную в наиболее общих взаимосвязях элементов ее символической, кодовой формы»², заняла место науки, изучающей мышление вообще. Найденные логические законы мышления стали претендовать на описание собственно процесса мышления. Логика, вместо своей прямой задачи — обоснования нового знания, изучения способов его доказательства — стала претендовать на объяснение и описание самого процесса рождения нового знания. Немудрено, что такой подход оставил огромное белое пятно в изучении мышления, именуемое интуицией. Если придерживаться логической последовательности фактов, то первое противоречие, приведшее к необходимости призвать спасительный «черный ящик» — интуицию, открылось в так называемой проблеме начал логического движения.

«И содержательная, и формальная (аристотелевская и современная математическая) логика сходятся в одном существенном пункте. Обоснование начал (аксиом, исходных понятий...) логического движения до сих пор не входит в задачу науки логики»³. Но если логически не обосновываются сами начала логического движения, можно ли говорить о возможности всего логиче-

ского движения вообще? Допустимо ли возводить строгое здание логических построений, основанием которого являются не доказанные, логически не обоснованные истины?

Так, например, Декарту, столкнувшемуся с проблемой происхождения начал (исходных понятий) логического движения, никак не обосновываемых логически, пришлось наряду с дедукцией (логическим мышлением) допустить существование некоего естественного света разума — интуиции, источник которой не был определен. Декарту понадобилась интуиция потому, что он не видел обоснования логикой логических оснований, а точнее, потому, что логика не могла отыскать в речи отражения процесса выведения и обоснования указанных оснований.

Таким образом, отождествление мышления с его индикацией привело к тому, что мышление было разделено на два противостоящих друг другу феномена: дискурсивное мышление, т. е. связанное с речью, выраженное через это в языке и тем самым доступное логике, и интуицию — мышление, не имеющее отражения в языке и поэтому скрытое (как процесс) от исследователя. Вот почему проблема роли речи в мышлении приобретает важное значение для решения проблемы интуиции. Если процесс мышления не тождествен сопровождающему его процессу внутренней речи, то какую роль играет речь в мыслительной деятельности индивида? В чем состоит взаимодействие мышления и речи в когнитивных процессах? В решении этого вопроса мы исходим из принятого понимания мышления как ориентировочной деятельности человека, как определяющего свойства личности, являющегося внутренним моментом деятельности. Мышление — это субъективный процесс, в котором личность как субъект деятельности моделирует эту деятельность, антиципируя (Мегрелидзе) ее результат, и уже потом переносит его в практику. «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально»⁴. В процессе объективной деятельности субъект вступает во взаимодействие с продуктом (термин, взятый К. Мегрелидзе из ранних работ К. Маркса). Это есть основное условие возникновения и существования сознания.

Всякий продукт как предмет, произведенный в обществе, включает в себя нечто объективированное в нем — способность удовлетворять ту или иную потребность человека, а также нечто субъективированное — его цель, скрытый в нем смысл, без осознания которого продукт не может быть потреблен. Наличие этой постоянно существующей необходимости осознания субъективированных качеств продукта есть «...великая сила, содействующая развитию и расширению сферы сознания»⁵.

Как уже сказано, в процессе деятельности, т. е. оперирования продуктами (а точнее — потребления и производства продуктов), субъект постоянно моделирует ее. В этой субъективной модели деятельности субъективными образами продуктов выступают идеи. Не трудно видеть, что если мышление — это внутренняя, ориентировочная деятельность человека, внутреннее моделирование объективной деятельности, то в мышлении должно сохраняться то же самое отношение субъекта к идеям — субъективным символам продуктов, что и в реальной жизни к самим продуктам. По словам Л. С. Выготского, «мышление — это интериоризованная деятельность», т. е. деятельность, но совершающаяся «внутри», в сознании человека, при сохранении тех же законов и закономерностей». Поэтому, очевидно, в мышлении можно отыскать процесс, без которого невозможна объективная деятельность. Это процесс отчуждения. Без отчуждения деятельность субъекта в обществе (т. е. человеческая деятельность, она же создающая человека) невозможна. Во 2-й главе «Капитала» К. Маркс, рассматривая процесс обмена товаров, писал: «Все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев (т. е. его (владельца) товар не имеет для него непосредственной потребительной стоимости) и потребительные стоимости для их невладеющих. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки»⁶. Иными словами, лишь после отчуждения и противопоставления товара своему владельцу (как противостоят ему все остальные товары) может начаться обычное взаимодействие владельца, теперь уже просто субъекта, с товаром. Только после отчуждения товар, приобретаемый для него все свои свойства, подвергается анализу потребителя — выявлению его положительных и отрицательных качеств, сравнению с другими товарами, синтезу — его общей оценке.

Итак, это не аналогия с товарным производством, это его модель. На уровне идей, как уже подчеркивалось, существует то же отношение субъекта к модели продукта, что и в реальной жизни к продукту. Ф. В. Бассин в книге «Проблемы бессознательного» пишет, что идея лишь тогда может быть

осознана, когда она ясно противопоставляется «Я» субъекта⁷. Иначе говоря, в процессе внутреннего моделирования какая-либо новая идея лишь тогда может быть проанализирована и правильно оценена, когда она как бы выносятся во вне, субъективно противопоставляется интеллекту, отчуждается, внутренне феноменализуется⁸, т. е. становится доступной всем формам восприятия. Этим феноменализатором идей является речь. Когда я проговариваю про себя мысль, т. е. выражаю ее в языке, я как бы делаю ее внутренне зримой, доступной восприятию и анализу. В этом кроется механизм так называемого мысленного диалога, который нужен нам для удобства феноменализации идей. Пока я проговариваю одну фразу диалога, где-то в глубинах сознания лихорадочно ищется на нее ответ (возражение, подтверждение), и он уже появляется перед нами в виде новой фразы.

Феноменализация — это внешняя сторона мышления для мышления. Пишут о самодетерминации процесса мышления, начавшегося с проблемной ситуации. Проблемная ситуация осознается, т. е. формулируется в феноменализаторе в виде задачи, и тогда начинается мышление. Какой-то вывод, возникший в ходе поэтапного решения задачи, феноменализуется и его несовершенство толкает мышление дальше, до полного решения. Таким образом осуществляется самодетерминация мышления, которая «...не дана изначально как нечто абсолютно готовое и уже законченное, но постепенно формируется и развивается в ходе решения задачи»⁹.

Итак, главная цель феноменализации, из которой как следствие вытекает и функция детерминации, — это превращение мыслей во внутреннюю реальность, их объективация, то, что позволяет человеку подвергать их анализу, как вне его лежащий объект. Но тогда всякое новое речевое воплощение мысли, всякая новая феноменализация, являясь лишь опорным моментом мышления, есть результат каких-то процессов, протекающих в момент совершения предыдущей феноменализации. Будучи невыраженными в речи, они скрыты от сознания, но появляющиеся в феноменализаторе результаты, часто даже совсем логически не связанные с предыдущими, приводят к выводу, что они (эти процессы) существуют. Представлены ли они как-нибудь субъекту?

Попытки ответить на этот вопрос привели к идее второго языка мышления. Приведем рассуждения Уолтера Р. Рейтмана (английского психолога и кибернетика) относительно второго языка мышления, изложенные в его книге «Познание и мышление». У. Рейтман основывается на выводах биолога Саймона о том, что когда возникают новые органы, они действуют с помощью уже существующих органов, изменяя и приспособлявая, но не упраздняя их, и на работах Сперри, доказавшего справедливость этого правила и для речи. Исходя из этого У. Рейтман считает, что «...информационные процессы человека (мышление рассматривается в свете теории информации — В. П.) основаны на восприятиях, причем слова и язык воздействуют на основную перцептуальную систему... Мы описываем мир и реагируем на его словесные описания, вызывая из памяти, конструируя и преобразуя восприятия». Иными словами, речевое мышление всегда сопровождается какими-то неречевыми процессами, основанными на элементах восприятий — образах. «Весьма вероятно, что человеческое мышление в значительной части использует закодированные в виде восприятий познавательные элементы, а также процессы для оперирования с ними, причем даже в тех случаях, когда речь идет о так называемых абстрактных понятиях». Речевая феноменализация вызывает к жизни процессы, которые не обязательно должны соответствовать по структуре своего «внутреннего языка» структуре языка словесного¹⁰.

Итак, выделяется второй язык мышления. Он свободен от логики и не соответствует структуре словесного языка, на котором всегда, в конечном итоге, выражается результат мышления. Не случайно поэтому многие авторы связывают феномен интуиции с деятельностью этого второго языка¹¹.

Но трудно согласиться с некоторыми авторами, относящими данный компонент мышления в связи с попытками решить проблему интуиции в сферу бессознательного. Получается следующая картина: мышление, начатое на сознательном уровне, опускается затем в «подсознание», лишаясь при этом своей языковой оболочки и базируясь теперь всецело на «первичном уровне» (Я. А. Пономарев). И здесь оно, совершив основной объем переработки информации, выдает в сознание определенное решение, фиксируя его в словесном языке.

При кажущейся «гладкости» этой схемы ее трудно принять. Здесь снова реанимируется пресловутая проблема бессознательного, дискутировав-

паяся психологами-материалистами еще при жизни И. П. Павлова. Не случайно М. Бунге, посвятивший проблеме интуиции книгу «Интуиция и наука», сравнивает подобные попытки решить проблему интуиции с «тезисом Фрейда» будто почти всякий психический процесс сперва протекает в под-сознательной форме или фазе и только из нее развивается в фазу сознательную.

Причиной такого понимания места второго языка мышления была, видимо, особая специфика образного компонента, связанная с тем, что наглядный образ часто выступает не как чувственный образ какого-то конкретного предмета, а в «снятом виде» (Славин), как какие-то «пятна», «расплывчатые образы», что соответствует синтезированному воспроизведению в сознании определенных черт и сторон различных образов. Такое понимание, очевидно, определяет мнение В. Н. Пушкина о существовании специального неосознаваемого языка мышления: «Известно, что в процессе решения задачи наряду с образами представлений, наряду со словами в голове человека возникает что-то такое, что не может быть выражено с помощью слова и что определяет ход решения и его словесное оформление. Речь идет о бессознательном, безобразном компоненте мыслительной деятельности»¹².

Но ведь и это «нечто» возникает-то в голове (!). Автор пишет о нем, как о чем-то представленном человеку в его сознании. Но тогда это уже не бессознательное! Видимо, о том же писал знаменитый французский математик Жак Адамар: «...Если я должен думать о каком-нибудь силлогизме, я о нем думаю не словами — слова мне не позволили бы понять, правилен ли силлогизм или ложен, — а с помощью интерпретации, аналогичной интерпретации Эйлера, пользуясь, однако, не кругами, а какими-то пятнами неопределенной формы»¹³. Но Ж. Адамар ни в коем случае не относит эти «пятна» в сферу бессознательного. Они постоянно присутствуют перед его «внутренним оком».

На наш взгляд, правильно к решению проблемы подходит А. В. Славин, который оставляет оба компонента в сознании. «Мозг человека постоянно формирует своеобразные чувственно-логические образы ... обобщенное знание об отражаемых объектах, в котором выступают в нерасчлененном единстве чувственные и логические моменты... Значительная часть информации, которой обладает субъект, до определенного момента не поддается символическому осмыслению и словесной формулировке, т. е. остается, как говорят психологи, инвербализованной. Это содержание мысли фиксируется в наглядных образах (схемах, воображаемых моделях и пр.)»¹⁴.

Таким образом, обязательно участвуя в мышлении и постоянно присутствуя при этом в сознании в качестве фона или в качестве актуализированного представления (предмета сознания), образный компонент играет в мышлении такую же роль феноменализации, как и речь. Наряду с речью, с использованием мышлением словесного языка для феноменализации точно так же, как феноменализатор, используется наглядный образ. Обе формы феноменализации в итоге лишь дополняют друг друга, играя в мышлении одну и ту же роль. Изучение их специфики и форм взаимодействия имеет большое значение для раскрытия тайны интуиции. Но окончательное решение проблемы лежит в изучении механизмов, действующих за феноменализатором и составляющих бессознательный компонент мыслительного процесса. Эту сторону бессознательного нельзя изучать по аналогии с сознанием.

¹ Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М., 1979. С. 3.

² Веккер Л. М. Психические процессы. Л., 1976. Т. 2. С. 5.

³ Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975. С. 23.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 189.

⁵ Мегрелидзе К. Основные проблемы социологии мышления. М., 1972. С. 74.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 95.

⁷ См.: Бассин В. Ф. Проблемы бессознательного. М., 1968.

⁸ Термин «феноменализация» образован от категории *феномен* кантовской философии, означающей всё, «...что может быть предметом возможного опыта... и в чем обнаруживаются отношения» (Ф. Э. Т. 5. С. 313). В дальнейшем под феноменализацией будем понимать именно этот процесс отчуждения, присутствующий в мышлении.

⁹ Брушлинский А. В. Психология мышления и кибернетика. М., 1970. С. 54.

¹⁰ Рейтман У. Познание и мышление. М., 1968. С. 328, 329.

¹¹ См.: Веккер Л. М. Психические процессы. Л., 1977. Т. 2. С. 158.

¹² Пушкин В. Н. Эвристика — наука о творческом мышлении. М., 1967. С. 59.

¹³ Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. С. 73.

¹⁴ Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971. С. 58; 45.